

ОЛЕГ ЛАСУНСКИЙ

МОИ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

I. НА СТУДЕНЧЕСКОЙ СКАМЬЕ

Признаться, меня не перестаёт коробить привычка современной студенческой молодёжи использовать в своей разговорной речи жаргонизм «универ» вместо того, чтобы сказать «университет». Конечно, сейчас в Воронеже есть несколько высших учебных заведений, именуемых университетами, да и сама традиционная лексика сильно поистрепалась в обиходе. Тем не менее употребление усечённой формы дорогого для меня слова режет ухо. Моё поколение не позволяло себе подобного панибратства: «университет» – это звучало для нас едва ли не музыкой. Было это, правда, давным-давно...

Моё семейство переехало в чернозёмные края с Дальнего Востока. Произошло это в 1950 году, когда отца, военноморского санитарного врача, по состоянию здоровья отправили в отставку. Воронеж лежал в послевоенных руинах, свободной жилплощади не находилось. Мы долго ютились в зале ожидания тогдашнего вокзала, пока наконец не удалось найти квартиру на пригородной станции Отрожка. Там, на улице Молодёжной, прошли три моих последних ученических года. Учился я в железнодорожной средней школе № 4 (сейчас это общеобразовательная школа № 36, и в тамошнем музейчике можно обнаружить стенд, посвящённый вашему покорному слуге). Выпускная серебряная медаль (школьная администрация представила меня на золотую) позволяла поступать в любой вуз страны без каких-либо вступительных экзаменов. Мне мечталось о факультете журналистики МГУ, откуда уже получил официальное «добро». Однако роди-

тели решили оставить ребёнка при себе. Я горевал недолго.

Итак, с осени 1953 года я обзавёлся студенческим билетом и с ранним рабочим поездом стал уезжать в город на занятия. Деревянные, довоенного производства, вагоны были настолько забиты простым людом, что частенько приходилось стоять на открытых всем ветрам межвагонных переходах, а то и вовсе на подножке. Домой возвращался в точном соответствии с железнодорожным расписанием, которое знал назубок. Часто проводил томительные часы в ожидании ближайшего пригородного поезда. Впрочем, эти бытовые неудобства не замечались, все помыслы были направлены только на учёбу и участие в сопутствующих ей студенческих инициативах. Это было счастливое время, несмотря на общую суровую обстановку в стране...

Вместо столичного журфака пришлось поступать на филологическое отделение объединённого историко-филологического факультета ВГУ. Он располагался в большом четырёхэтажном здании на перекрёстке улиц Ф. Энгельса и Кольцовской. Одно его крыло было отведено под мужское общежитие (впрочем, обитали там и некоторые преподаватели, не имевшие своей крыши над головой), а в другом проходили занятия и обретались немногочисленные в ту пору кафедры. Дверь из деканата выходила прямо на лестничную площадку. Деканша Ирина Яковлевна Разумникова была историком, и мы, будущие филологи, отказывались видеть в ней полноценного шефа. У меня были к ней и личные претензии.

Кажется, на втором курсе наша учебная группа (я был там комсоргом) взбунтовалась: практические

Студенческий билет
Олега Ласунского

занятия по курсу «Основы марксизма-ленинизма» вела у нас дама по фамилии, если не ошибаюсь, Обухова. Вела, скажу прямо, скверно во всех педагогических смыслах. Мы не выдержали: на комсомольском собрании вынесли решение просить деканат избавить нас от некомпетентного преподавателя. Инцидент получил широкую огласку, деканша пожаловалась ректору, и мне, как зачинщику скандала, велено было явиться в административный «красный корпус», что на проспекте Революции. Я, разумеется, струхнул, решив, что надо мной нависла угроза отчисления из университета... Ректором тогда был профессор-химик Борис Иванович Михантьев. Он вызвал меня, зелёного юнца, к себе в кабинет и попросил объясниться. Голоса не повышал и вообще был предельно деликатен для такой ситуации. Никакого исключения из университета не последовало, а вот безграмотную преподавательницу от нас всё-таки убрали. Позже мы с Борисом Ивановичем не без улыбки вспоминали этот эпизод. Наши случайные встречи происходили преимущественно в коридорах областного комитета партии, где я в шестидесятых годах состоял в должности инструктора сектора печати, а Б. И. Михантьев входил в состав бюро обкома КПСС: местная власть оказывала ему эту особую честь... Своего ректора студенческая вольница любила и уважала за доброжелательность, интеллигентное обхождение с людьми и поддержку самых дерзких молодёжных починов.

В главном корпусе ВГУ мы, историки и филологи, собирались вместе по каким-то особым случаям. Однажды, на третьем курсе, кураторы с каким-то многозначительным выражением на лицах повели нас туда. Актёрский зал на четвёртом этаже был за-

полнен до отказа. С таинственным видом мелькали фигуры парткомовских активистов. Атмосфера ожидания была накалена до предела, воздух чуть ли не искрился от напряжения. Нам объявили, что сейчас будет зачитано «закрытое» (при этом слове председательствующий благоговейно устремил взор вдаль, поверх наших лохматых голов) письмо ЦК партии, содержание которого не подлежит оглашению в обывательской среде. В битком набитом зале стояла мёртвая тишина. Слова падали на нас, как многопудовые гири. Это было письмо, обличавшее культ личности Сталина. Ещё недавно вся страна обрыдалась над гробом «отца всех времён и народов», а тут вдруг такое... Но и тогда ещё о культуре державной особы была сказана не вся правда. Мы были подавлены и убиты услышанным.

Тема сталинских репрессий отозвалась для меня позднее и самым неожиданным образом. Учился на нашем курсе Борис Окунев. Он был великовозрастным студентом, но никто из нас, вчерашних школьных выпускников, не придавал этому обстоятельству никакого значения: может быть, Боря надумал получить второе высшее образование? Я с ним подружился, бывал у него дома (он с родителями и взрослой сестрой ютился в малюсенькой комнатухе, где едва помещались четыре кровати и тумбочка), приглашал к себе в Отрожку (иной раз у нас и ночевал). После окончания университета мы с Борисом переписывались: я секретарствовал в редакции Землянской районной газеты, а он был научным сотрудником областного музея изобразительных искусств. Потом мы вместе готовились к вступительным экзаменам в аспирантуру. Общение было плотное, отношения – искренними. Мне казалось, что никаких

секретов между нами нет, да и быть не может. Тем ошеломительнее стала просочившаяся в публику новость: Борис Гдальевич был прежде арестован по политическому обвинению и несколько лет провёл в сибирских концлагерях. Наверное, с той несчастной поры у него появилось нервическое дрожание в ногах; впрочем, к этой физической странности я быстро привык. Меня поразило и, честно признаюсь, обидело другое: как в течение многих-многих лет при всей нашей духовной близости Боря ни единым словом не обмолвился о своей, уже давней беде.

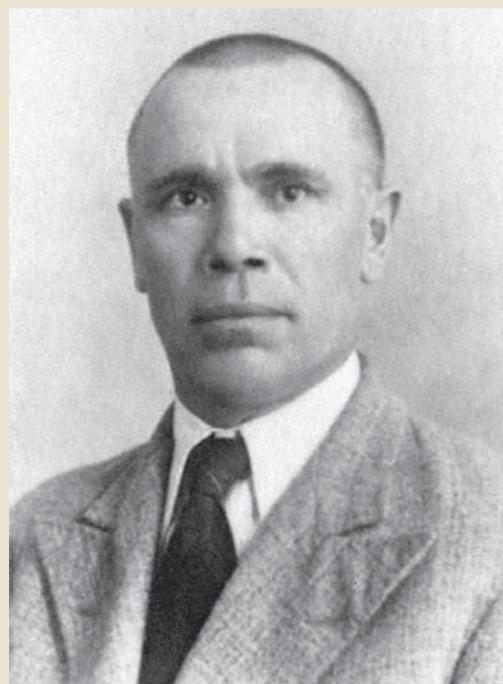
Мне говорили: бывшие зеки подписывали какие-то бумаги о неразглашении того, что с ними произошло. Но ведь на дворе стояло уже другое время, сталинскую тиранию официально осудили, можно было не опасаться каких-либо последствий за рассказ о минувшей трагедии... Очевидно, страх так глубоко поселился в душах экс-арестантов, что выкорчевать его оттуда было невозможно. Борис так и не раскрылся передо мной, даже ничем и никак не намекнул о своих юношеских злоключениях. Спустя годы он попытается поведать гласно о произволе сталинской эпохи, даже будет предлагать большой стихотворный текст на эту тему для воронежского сборника соответствующих материалов: книга вышла в 1992 году и называлась недвусмысленно – «Из небытия». Редакция рассмотрела представленную Б. Г. Окуневым автобиографическую поэму (она именовалась многозначительно – «В ежовых рукавицах»), но отклонила её публикацию по причине литературной слабости произведения.

Как историк изобразительного искусства Б. Г. Окунев остался автором разыскательского по сути исследования о старом художнике А. И. Клюндере и выполненных им портретах однополчан М. Ю. Лермонтова (Москва, 1975). Кандидат филологических наук Б. Г. Окунев одно время замещал ушедшего в докторантуру сотрудника кафедры русской литературы ВГУ, а впоследствии преподавал в местном институте искусств. Мне кажется, психологическая травма, нанесённая на заре жизни сталинским режимом, роковым образом отразилась на судьбе моего сокурсника...

После колхозного сентября 1953 года мы приступили к занятиям. Общие лекции проходили в самой вместительной 11-й аудитории на первом этаже. Из неё в коридор выходило несколько дверей – во избежание толкучки во время перерывов. На первых двух курсах нам вдалбливали в голову основы марксизма-ленинизма, и это небезуспешно делал Василий Степанович Гончаров, крупный, с бритой головой человек, напоминавший нам Котовского. Имя товарища Сталина как организатора и вдохновителя всех наших

Студент Борис Окунев

Василий Степанович Гончаров

Сергей Георгиевич Лазутин

побед не сходило с его языка. И он был не одинок в славословии вождя. Не отличались от него и лингвисты. У каждого из нас имелась брошюра со сталинской работой «Марксизм и вопросы языкознания». Мы её старательно конспектировали и на практических занятиях разбирали едва ли не по предложениям. Работа считалась методологическим шедевром. Однако вскоре её изучение было отменено, а сама она, признанная дилетантской и злопахательской, незаметно исчезла с полок книжных магазинов. Так мы получили первый урок политического приспособленчества.

С основоположником советского государства тоже случалось немало забавного. Преподаватели требовали неукоснительного представления конспектов ленинских сочинений, и ребята безбожно сдирали тексты у старательных сокурсниц. Я был студентом-паинькой, послушно выполнял все указания наставников. Но с «Материализмом и эмпириокритицизмом» (1909) пришлось изрядно повозиться. Разобраться в дебрях ленинской полемики с философами-идеалистами было явно не под силу вчерашним школьникам. Нам не оставалось ничего иного, как заниматься бессмысленным переписыванием печатного текста. Сколько молодой энергии понапрасну тратилось на знакомство с давно потерявшими свою актуальность произведениями! Преподаватели уверяли, что без знания ленинских работ мы и шага не сможем сделать в своей будущей профессии. Потом эти работы, как прежде сталинские, незаметно исчезли с библиотечных полок и окружающий мир даже не заметил сего «печального» обстоятельства.

Преподаватели-предметники изо всех сил старались вбить в нас азы филологии. Одним из первых в их череде был Сергей Георгиевич Лазутин, небезызвестный в отечественной фольклористике человек (об этом мы узнали много позднее). Вечный общественник, хлопотун, он, казалось, вовсе не покидал факультетской территории: вероятно, он не отказывался ни от каких партийных поручений. В частности, Сергей Георгиевич руководил студенческим литературным кружком, где, по его мнению, все до единого были таланты и гении. Студенты безбожно обманывали С. Г. Лазутина, выдавая собственные легкомысленные творения за частушки, якобы записанные от деревенских бабушек. Сергей Георгиевич охотно верил озорникам и даже включал подделки в свои частушечные сборники.

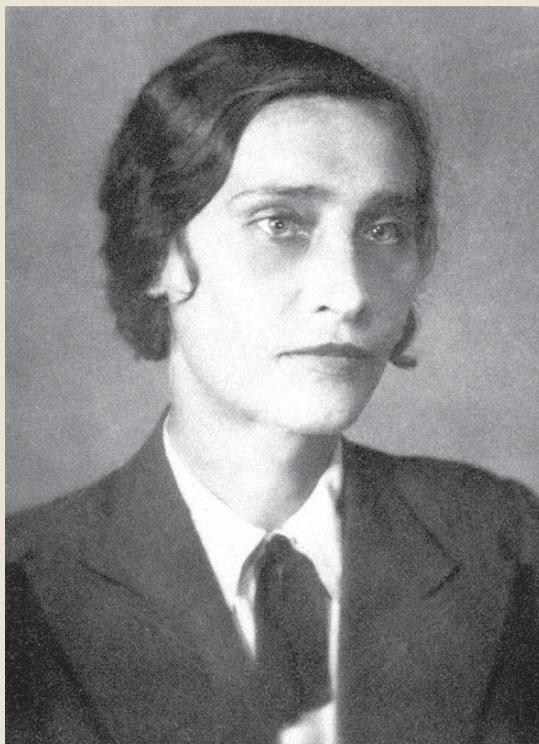
С. Г. Лазутин пригласил на факультет из Москвы профессора Петра Григорьевича Богатырёва, оказавшегося безработным в результате инициированных сверху гонений на так называемых «безродных космополитов». Профессор был презабавнейшей личностью. Его добродушию не было пределов. Невысокий росточком, кругленький, как коллобок, он вкатывался в 11-ю аудиторию, становился за кафедру, и нам не оставалось ничего иного, как созерцать его голую макушку. Его лекции по истории древнерусской литературы не блистали красноречием, и лоботрясам-«камчадалам» на дальних скамьях приходилось убивать время игрой в «морской бой»... На семинарских занятиях по чешскому языку Пётр Григорьевич говорил преимущественно монологически, не подозревая, что студенты задают ему вопросы вовсе не из любопытства, а только для того, чтобы самим помалкивать. Всем уже был известен богатырёвский энтузиазм по отношению ко всему, что касалось его довоенного пребывания в Чехословакии. Мы наперебой засыпали профессора просьбами о его работе над переводом гашековского «Бравого солдата Швейка»... О незабвенном Петре Григорьевиче я постарался поведать в своей книге «Литературный Воронеж: имена и факты» (2015).

На старших курсах перед нами возник неподражаемый Анатолий Михайлович Абрамов, которого так любят живописать все мемуаристы из числа ВГУ-шных филологов. Да и как иначе? Это был лектор, слишком не похожий на коллег. Он отличался вольной манерой изложения и самого поведения в аудитории. Анатолий Михайлович не умел чинно стоять за кафедрой и заглядывать в какие-то конспекты. Его лекции напоминали театральное действие. Он настолько увлекался собственным красноречием, что позволял себе совершать явно не предусмотренные педагогическим этикетом по-

ступки – садился верхом на стол, жестикулировал в опасной близости от слушателей, принимать откровенно актёрские позы. Грустнее всего было то, что, насладившись зрелищем, студенты не обнаруживали в своих тетрадях никаких записей. Зато эмоций хватало до следующей лекции... Наряду с «певцом революции» В. В. Маяковским, Анатолий Михайлович высоко ценил творчество А. Т. Твардовского, с которым самолично встречался и активно переписывался. Значительно позднее А. М. Абрамов создал на филологическом факультете кружок поклонников и изучателей поэзии, которому было дано имя А. Т. Твардовского. Вероятней всего, кружок благополучно существовал бы и далее, если бы не естественное желание сообщить о его возникновении читателям областной газеты «Коммуна». Короткая заметка вызвала переполох в обкоме партии: фигура еретика Твардовского продолжала негласно оставаться нежелательной для идеологического ведомства. На факультет пожаловал ответственный партийный работник, произвёл «разбор полётов», и кружок практически свернулся. Как правоверный коммунист, А. М. Абрамов даже не пытался протестовать против столь откровенного насилия над более чем скромной общественной инициативой. Но, как бы то ни было, этот человек был украшением нашего факультета.

Заведующей кафедрой русской и зарубежной литературы была Елизавета Павловна Андреева, дама с неизменно суровым выражением лица. Мы гадали, улыбается ли она когда-нибудь? Собеседник невольно съёживался под её пронизывающим взглядом. В своих оценках людей и событий она была категорична и, похоже, не привыкла в чём-либо сомневаться... Свой первый робкий шаг в филологии я сделал как раз под её началом: это был доклад на какую-то чеховскую тему в рамках ежегодной научной студенческой конференции. Но, помнится, общение с Елизаветой Павловной не доставляло мне удовольствия. Она всем своим видом давала понять, какая я ничтожная величина рядом с нею... Андреева считалась специалисткой по творчеству Льва Толстого и даже публиковалась в московских серьёзных сборниках, чем мы, разумеется, гордились. И всё-таки мы становились перед ней какими-то робкими и запуганными зверьками. Нам было страшновато подойти к ней и спросить, почему она в своей лекции о «Войне и мире» Пьера Безухова неизменно именует Безухим.

Десятилетнее руководство кафедрой закончилось для Е. П. Андреевой в 1960 году, когда из Львова прибыл Виктор Александрович Малкин: он был тогда на факультете единственным доктором наук и профессором (П. Г. Богатырёв двумя годами ранее

Елизавета Павловна Андреева

Виктор Александрович Малкин

Алла Борисовна Ботникова

отбыл в столицу). Университет тогда остро нуждался в собственной профессуре, и В. А. Малкина встретили по-царски. Ему была тотчас предоставлена роскошная квартира в новом, престижном доме на проспекте Революции и аспирантура по русской литературе XIX века. Первыми малкинскими аспирантами были Анатолий Александрович Слинько, упоминавшийся Б. Г. Окунев и ваш покорный слуга.

Чета Малкиных (Елизавета Моисеевна преподавала испанский язык на факультете романо-германской филологии) по праздничным дням приглашала нас к себе на обед, и это были поистине лукулловы пиры. Позднее, уже в статусе преподавателя, я совместно с Толей Слинько частенько сопровождал шефа по дороге домой после кафедральных заседаний. Обычно мы делали остановку в кафе, расположенном в здании бывшей гостиницы «Бристоль». Под звон бокалов текла увлеченнейшая беседа: Виктор Александрович повествовал о своей жизни на западной Украине, о впечатлениях, вынесенных из его пребывания в Венгрии и Польше, где он читал студентам-русистам лекции по истории нашей отечественной литературы. Но чаще всего в этих разговорах возникала злободневная политическая проблематика. Послесталинский глоток свободы кружил нам головы. Это были сладчайшие минуты застольной гласности. Наши речи, подогретые алкоголем (велись они втихомолку, с оглядкой на сосе-

дей: не подслушивает ли кто?), были полны обычной интеллигентской критики режима. В. А. Малкин с интересом выслушивал мой рассказ о том, как встречали нас, первых советских туристов, посетивших Чехословакию вскоре после позорных августовских событий 1968 года: нам было запрещено разговаривать по-русски на улице – во избежание рукоприкладства со стороны возбужденной местной молодёжи.

В 1958 году В. А. Малкин защитил в учёном совете Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова докторскую диссертацию, трактовавшую состояние русской литературы в Галиции. Он работал тогда во Львове. Два года спустя Виктор Александрович перебрался в Воронеж. Незадолго до смерти, случившейся летом 1996 года, он пригласил меня к себе и передал десятка два изданий, увидевших свет в далёкой Галиции в конце XIX – начале XX веков. Все эти раритеты профессор вывез из Львова. Непонятно, зачем он это сделал: в Воронеже подобная литература едва ли кому-нибудь могла пригодиться! Зато для коллекционеров-украинофилов эта библиотечка печатных редкостей способна была стать желанным приобретением. В. А. Малкин позволил мне распорядиться книгами по собственному усмотрению. Я связался с киевлянином Михаилом Андреевичем Грузовым, который специализировался как раз на собирательстве «украиники». Михаил не замедлил прибыть в Воронеж (поезда через Курск ходили часто). Особенно его порадовала подшивка газеты «Зоря галицкая», где наличествовали дополнительные листы-вкладыши. Увы, киевлянин давно ушёл из жизни, и бывшая малкинская коллекция, вероятно, рассеялась среди таких же, как мой друг Миша Грузов, энтузиастов, увлечённых прошлым украинской культуры...

Из моих университетских наставников до сего дня пребывает на белом свете Алла Борисовна Ботникова. Она вела у нас все курсы по зарубежной литературе – с древности до XX столетия включительно. Из всех лекторш она обладала каким-то особым обаянием. Всегда элегантно одетая и причёсанная, она обволакивала нас своей певучей речью, и даже «камчадалы» прекращали свою игру в «морской бой». Помимо необходимых по программе сведений, Алла Борисовна давала нам урок столичной выучки и культуры общения. Все мы были поголовно влюблены в молоденькую «учительку»... Спустя годы я сблизился с лицами, составлявшими ближайшее окружение А. Б. Ботниковой и её мужа, литературного и театрального критика З. Я. Анчиполовского. Это тоже были яркие индивидуально-

сти, талантливые филологи-профессора В. П. Скобелев, В. А. Свительский, Л. Е. Кройчик... Алла Борисовна и по сейчас остаётся хлебосольной хозяйкой, и любое пиршество духа непременно завершается у неё отличным застольем... Во все прежние эпохи наш ботниковский интимный кружок представлял собой островок независимого образа мыслей и дружества. Российская действительность постоянно подбрасывала нам сюжеты, поощрявшие вольнодумство. Я вспоминаю тогдашние посиделки с ностальгическим чувством. Уже находясь на пенсии, Алла Борисовна не сбавляет своей творческой энергии. Ревностная театралка, она и раньше уделяла немало внимания состоянию сценического искусства в современном Воронеже. Совсем недавно, к двадцатилетию Камерного театра (2019), вышла её (совместно с покойным супругом) книга «Театр Михаила Бычкова» – сборник статей и рецензий, посвящённых тем постановкам, что осуществлял режиссёр М. В. Бычков.

Алла Борисовна и сегодня не упускает ни малейшей возможности побывать у «камерников» на премьерных спектаклях. Впрочем, коллег по работе в ВГУ больше способны заинтересовать мемуары А. Б. Ботниковой «В те времена...» (Воронеж, 2008), где воспроизведена галерея разнообразных типов из университетской среды и восстановлены всякого рода памятные коллизии, нарушавшие однообразное преподавательское житие. А. Б. Ботникова, без всякого сомнения, является нашим общерегиональным культурным достоянием.

Во втором издании «Воронежской историко-культурной энциклопедии» (2009), где представлены наиболее примечательные персонажи из состава местной духовной элиты, присутствует немало моих сокурсников. Всегда отрадно окунуться в воспоминания о том, как протекала наша студенческая жизнь, извлечь из забвения образы сверстников. О Б. Г. Окунева речь уже шла.

Анатолий Михайлович Ломов избрал для себя учёное поприще. Он всегда отмечался целеустремлённостью и трудолюбием. Его основные научные интересы были связаны с изучением законов русской грамматики. Популярностью пользовались подготовленные им совместно с коллегами по кафедре «саморепетиторы» по пунктуации и орфографии родного языка. Событием в историко-филологическом мире стало появление ломовской монографии «„Слово о полку Игореве“ и вокруг него» (Воронеж,

Студент Анатолий Ломов

2010). В ней наш земляк пытался пересмотреть традиционное представление об авторстве знаменитого памятника древнерусской письменности. Книга едва ли затеряется в необъятной отечественной «словяне»... Уже перейдя на покой, Анатолий Михайлович увлёкся сочинительством мемуарных этюдов. В большинстве из них довольно выразительно были обрисованы колоритные фигуры из филологического сообщества. Ранний журналистский опыт (Анатолий, как и многие из моих ровесников, после окончания университета был командирован на газетную работу в сельскую глубинку) позволил автору создать цикл живых по содержанию и отточенных по стилю сценок...

Зорким художественным зрением обладает и другой мой сокурсник – здравствующий поныне Сергей Николаевич Жданов. Он много лет отдал работе в редакции нашей областной партийной газеты «Коммуна». По роду служебных занятий ему приходилось часто сталкиваться с различными житейскими историями. Многие из них были не просто забавны сами по себе, но и достаточно назидательны. Вот и решил Сергей запечатлеть их в слове. Лирические миниатюры С. Н. Жданова составляют содержание его изданных в Воронеже сборников «Такого не придумаешь» (2002), «Мелочи жизни» (2006), «Служить бы рад...» (2007). Встречаются у автора и фабулы, почерпнутые из прежней студенческой поры...

Нинэллия Ивановна Антипина тоже склонна предаваться воспоминаниям о протекших годах. В минувшем году она даже предложила оставшимся во здравии однокурсникам собраться вместе и помянуть ушедших в мир иной. Но оказалось, что встречаться уже практически не с кем: время безжалостно к моему поколению!.. Заслуженный работник культуры РФ (1992) Н. И. Антипина рано покинула сугубо филологическую стезю: с 1960 года она связала свою судьбу со специальной городской библиотекой искусств имени А. С. Пушкина (это она сейчас так именуется), где прошла путь от рядового сотрудника до директора. В период её руководства библиотекой последняя превратилась в любимый воронежцами очаг культуры и просвещения. Как очевидец и участник многих тамошних мероприятий спешу засвидетельствовать: атмосфера в библиотеке была на редкость творческой. Кстати, Н. И. Антипина в свою пору обеспечивала столичную периодику материалами о музыкальных новостях Воронежа и готовила еженедельные радиопередачи о песнях ушедшего века...

На параллельном с филологами историческом отделении учился Владик (по паспорту – Владислав Васильевич) Аникеев. Ещё тогда он заявил о себе как человек, которому органически противопоказана любая размеренная жизнь. Он ринулся в журналистику со всей страстью, на которую только была способна его беспокойная натура. От сотрудника воронежского «Молодого коммунара» до собственного корреспондента федеральных газет «Советская Россия» и «Трибуна» – таков был путь нашего однокашника в престижной тогда профессии. Думаю, многим воронежцам моего возраста не дано забыть очерки В. В. Аникеева, написанные на заре освоения космоса. Помню, с каким жаром поглощала публика аникеевские публикации о жизни и полёте в надзвёздные выси нашего уроженца Константина Феоктистова.

Свои первые документально-публицистические книги В. В. Аникеев выпускал в Центрально-Чернозёмном издательстве, где корректором, а потом редактором детской и юношеской литературы трудилась тоже моя однокурсница и добрая приятельница – Тамара Тимофеевна Давыденко. Она осуществляла предпечатную подготовку текстов таких известных авторов, как Виктор Астафьев, Василий Белов, Константин Воробьёв, Даниил Гранин, Евгений Носов и другие корифеи современной изящной словесности. Тамара Тимофеевна стала заботливой издательской «мамочкой» для многих молодых сочинителей, обретших впоследствии заслуженное читательское признание. Редакторша вела со всеми

своими авторами интенсивную рабочую переписку, и надобно поблагодарить её посмертно за то, что не дала погибнуть почтовым бумагам в мусорной корзине. После кончины Тамары (детей у неё не было) весь этот ценнейший эпистолярный архив удалось сберечь в целости. Нынче он входит в состав моего личного фонда, хранящегося в Государственном архиве Воронежской области (ГАВО). Уверен: будущие исследователи региональной литературной ситуации, сложившейся в нашем крае в послевоенные десятилетия, не обойдутся без учёта тех сведений, которые содержатся в переписке Т. Т. Давыденко со своими «мальчиками»...

Кого ещё назвать из студентов-однокашников? Разве что Евгения Мистюкова, обитателя Новой Усмани. Он подавал немалые творческие надежды и в отличие от курсовых бардов пробовал своё перо в прозе. Один из его рассказов университетской эпохи был даже тиснут на страницах газеты «Коммуна», что произвело настоящий фурор. Мы ожидали продолжения столь шумного успеха. Однако счастливое начало не имело дальнейшего развития. После окончания ВГУ Женя вернулся в родное село, ведал вопросами районной культуры и, судя по слухам, пристрастился к известному на Руси зелью: не потому ли так рано покинул белый свет?

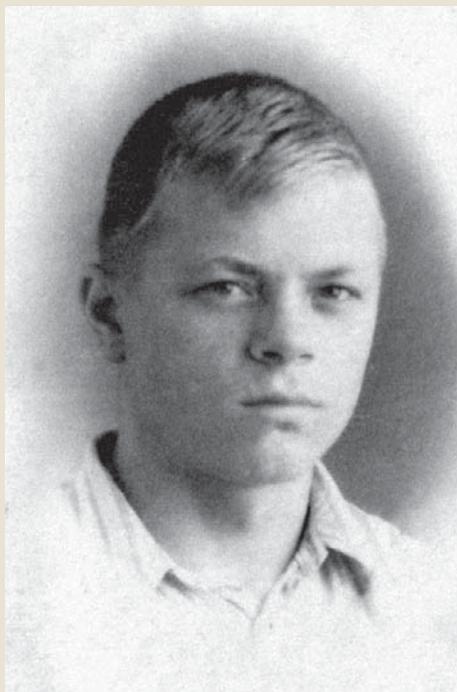
Другой мой сокурсник, красавчик Александр Наталенко, претендовал на поэтические лавры, и его рифмованный экспромт «Не моги протестовать, // Все живут обманом...», несмотря на свой пессимистический посыл, охотно цитировался в нашем кругу; к сожалению, окончание популярного четверостишия привести здесь невозможно по причине использования автором ненормативной лексики. Саша тоже частенько заглядывал в рюмку, и это занятие завершилось катастрофой в самом буквальном смысле слова: будучи сотрудником одной из наших районных газет, он сел в пьяном состоянии за руль редакционного мотоцикла и насмерть разбился...

Более или менее благополучно распорядился своей судьбой Вадим Евстратов. Поначалу он тоже работал в газетах Ельца и Йошкар-Олы, затем переехал в Казань и профессорствовал там на кафедре философии авиационного института. Как-то, много лет назад, В. Д. Евстратов приехал в родной Воронеж, и мы, экс-сокурсники, сидели вчетвером (с А. М. Ломовым и А. В. Пономарёвым) в кафе напротив памятнику И. С. Никитину и перебирали в памяти события из минувшего студенчества. Разговор не вязался, был каким-то грустным. Мы быстро расстались, и я ничего не ведаю о дальнейшей участи Вадима; надеюсь, он жив и относительно здоров.

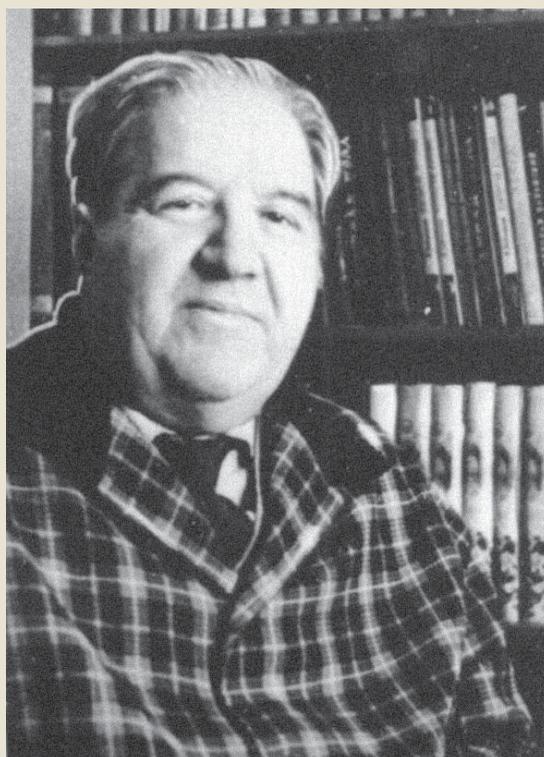
Не могу умолчать о судьбе ещё одного соученика. В своей книге «Литературный Воронеж: имена и факты» (2015) я назвал главу о нём – «Кантемировский затворник». Леонид Шаповалов в своей студенческой молодости (мы его называли просто Шапом) ничем особым не выделялся, разве что игрой на аккордеоне и трубе. Учился на родном факультете в аспирантуре, обучал французских лицейцев азам русского языка, прибыл из Европы на личном автомобиле, преподавал на кафедре советской литературы в ВГУ. Казалось бы, жизнь складывалась вполне благополучно. И вдруг вспыхнуло недозволенное для семейного человека, тем более партийца, чувство к коллеге по кафедре. Не помогли никакие увещевания. Влюблённая пара вынуждена была покинуть Воронеж и уединиться на юге области, в Кантемировке. Лёня работал в редакции районной газеты и, оказывается, интенсивно пробовал себя на стихотворной ниве. Изданный незадолго до кончины автора сборник «Тёплые снега» (Воронеж, 2009) позволяет со всей очевидностью сказать, что в лице Л. А. Шаповалова региональное литературное сообщество потеряло талантливого поэта. Бытовые неурядицы не дали нашему Шапу развернуться в серьёзного и удачливого сочинителя...

Что из событий студенческого времени сохранилось в памяти? Нет, вовсе не шефские поездки в колхоз «на картошку». Мои сокурсники любили вспоминать разные каверзные случаи из этой жизни. Мною она всегда воспринималась как тяжкая трудовая повинность, и никакие самодеятельные концертики во благо сельчан и самих себя мою душу не трогали. Спустя годы мне пришлось бывать на сельхозработках уже в качестве преподавателя, надзирающего за студентами. Всякий раз чуть ли не с кулаками приходилось отражать набеги местного хулиганья на девчачье общежитие. Знаю: многие мои факультетские коллеги, прежде всего В. П. Скобелев с Л. Е. Кройчиком, воспринимали принудительное пребывание в поле совсем иначе: общительные по характеру, мастера на разные развлекательные инициативы, они были любимцами «колхозного» студенчества...

В памяти сохранилось то, что не было связано напрямую с рутинным, в сущности, учебным процессом, который лишь изредка разнообразился живыми преподавательскими личностями. Запомнились эпизоды, нарушавшие монотонность каждодневных занятий. Вот пример. Кажется, на втором или третьем курсах к нам был приглашён писатель Николай Алексеевич Задонский. Странно, но за всё пятилетие моего обучения в университете состоялась лишь эта единственная встреча с человеком, ко-

Студент Леонид Шаповалов

Писатель Николай Алексеевич Задонский

торый сочинял книги. Нас исправно пичкали филологическими знаниями, но не давали возможности даже полицезреть реальных тружеников пера. Эта тенденция изоляции студентов-филологов от живых авторов (пусть и «местного разлива») присутствовала и в мои преподавательские годы... Н. А. Задонский заворожил нас напором легко льющейся речи, энергичной мимикой, вообще всем тем неложным пафосом, которого так недоставало нашим лекторам (буйствующего в аудитории А. М. Абрамова мы ещё не знавали). Н. А. Задонский был превосходным оратором, можно сказать, златоустом, да и само содержание его повествования увлекло нас своей оригинальностью.

Писатель тогда собирал материалы для своего романа о герое антинаполеоновских походов и Крымской войны – Николае Николаевиче Муравьёве-Карском, похороненном в уездном граде Задонск Воронежской губернии. Позднее, в 1960-х годах, исторический роман Н. А. Задонского «Жизнь Муравьёва» многократно тиражировался на всю страну. Но тогда, в университетской аудитории, автор распространялся больше о том, как он вышел на эту тему и, главное, как он собирает необходимые для дальнейшей работы материалы. Особенно захватывающим был рассказ о поисках и находках ценных биографических источников в московских хранилищах. Не с той ли публичной писательской лекции зародилось во мне неистребимое желание копаться в различных бумажных залежах, да и самому накапливать собственный архивный фонд?! Через много-много лет я подружусь с Николаем Алексеевичем и даже буду впоследствии избран председателем общественной комиссии по его литературному наследию.

Между прочим, Н. А. Задонский ещё раз (это произойдёт в июне 1972 года) побывает на нашем факультете, теперь уже на Пушкинской улице. Там проходила защита кандидатской диссертации Валентина Николаевича Болдырева. Она была посвящена историческим хроникам Н. А. Задонского, который присутствовал тут же, в большой 37-й аудитории. Благодарный за такое внимание к своей персоне Николай Алексеевич не утерпел произнести пламенную речь, и весь учёный совет буквально заслушался этого соловья. Встречи вот с такими неординарными людьми, профессионально причастными к словесному искусству, способны пробудить в затюканных зачётами и экзаменами студентах деятельный интерес к литературе как жизнетворческому процессу. Остаётся добавить, что мои мемуарные заметки о Н. А. Задонском были напечатаны в

составленном Н. Н. Задонской, дочерью романиста, сборнике «Быть и остаться» (Воронеж, 1984)...

Мне нравилось испытывать себя в литературной сфере. Одно время увлёкся было переводами с английского языка, что охотно поощряла его преподавательница Ольга Вячеславовна Дыбовская. Както раз в мои руки попал дореволюционного издания томик с текстами шекспировских пьес в оригинале. Я отважился на перевод знаменитого монолога Гамлета – «Быть или не быть – вот в чём вопрос...». Мне казалось, что я сделал это ничуть не хуже известных переводчиков. Вероятно, так казалось и Ольге Вячеславовне. По крайней мере, она не возражала против того, чтобы гамлетовский монолог в моём переводе появился на страницах факультетской стенной газеты. Последняя именовалась в духе времени – «Сталинское племя», её тогдашним редактором был старшекурсник, нынешний университетский долгожитель Владимир Семёнович Листенгартен («Листик», как дружески зовут его мои приятели между собой). Кстати, в одном со мной номере «Сталинского племени» напечатался и Володя (теперь Владимир Иванович) Гусев (младше меня одним курсом) – это были стихи философского содержания. Володя вообще выделялся среди нас своей глубокомысленностью. В дальнейшем он переберётся в Москву, где приобретёт определённый вес в литературно-критических кругах...

Стенгазета меня уже не устраивала, хотелось творческого простора. В университете выходила многотиражная газета «За научные кадры», или просто «ЗНК» – всего-то две полосы! В 1955–1956 годах я был её постоянным корреспондентом. В ноябре 1956 года газета (она уже именовалась «Воронежский университет») опубликовала мой бытовой очерк «Наталочкин брак». Попытка беллетризовать изображение, видимо, не удалась. Во всяком случае, Лёва Кройчик впоследствии сочинил остроумную пародию на мой текст; она, в составе подборки «Разные перья», увидела свет на страницах многотиражки в мае 1957 года (под псевдонимом О. Туманский).

Надобно признаться, номера университетской газеты я подбирал с упорством маньяка. Не думаю, что на такое был бы способен ещё кто-либо из моего студенческого окружения. Коллекционерская страсть уже с молодости стала моей второй натурой. Еженедельно я приобретал (сначала покупал, потом просто брал в редакции) газетные номера. Они копились все пять лет учёбы в ВГУ. Как уже было сказано, после окончания университета я по направлению сектора печати обкома партии был направ-

лен на работу в газету «Землянская правда» (сейчас село Землянск входит в состав Семилукского района нашей области). Там счастливо обнаружился старик-переплётчик, который одел пятилетний комплект университетской многотиражки в ледериновые крышки. Куда сей комплект позднее подевался, уже и не припомню.

Редакция «ЗНК» и «ВУ» находилась в «красном корпусе» ВГУ на проспекте Революции. Комната была крохотной, и там едва помещался ответственный секретарь Николай Иванович Зиновьев, человек доброжелательный, но какой-то легковесный в поступках и суждениях. Он никогда и ни по какому поводу не имел собственного мнения и плыл, не барахтаясь, по течению жизненной реки. Каково же было моё удивление, когда я впоследствии узнал, что милейшего Николая Ивановича взяли инструктором в отдел пропаганды и агитации Воронежского обкома партии. Сознаю: он был удобным исполнителем начальственной воли, лишних вопросов никогда не задавал!

Университетская многотиражка была хорошей стартовой площадкой для одарённых литературными способностями студентов, причём не одних только филологов. Те, кому она становилась тесной, переходили на положение нештатных авторов в «Молодой коммунар». Мне редакция однажды заказала статейку о культуре студенческой бытовой речи. Я и сам давно замечал, насколько она, эта речь, засорена. Преподаватели на семинарских занятиях старались привить нам эстетику публичного выступления, и это давало свои результаты. В повседневности же наша речь была довольно убогой, насыщенной лексическими штампами и вулгаризмами. «Словесный винегрет» – так назывался мой материал, появившийся в «Молодом коммунаре» летом 1956 года. А в начале 1958 года областная молодёжка опубликовала мой «Второй университет». Идея этой статейки возникла сама собой. Уже несколько сезонов в музее изобразительных искусств действовал студенческий кружок (среди его членов помню Б. Г. Окуневу и С. Н. Филошкину), в котором объединились любители живописи и графики. Мы выступали на заседаниях с докладами о творчестве того или иного художника, свободно бродили по музейным залам, а иногда даже по просьбе дирекции проводили экскурсии для старшеклассников. Не ведаю, как долго существовал сей замечательный кружок. Из его членов только упоминавшийся уже Б. Г. Окунев работал потом в музее искусствоведам.

Разговор о своей ранней журналистской «деятельности» хотелось бы завершить упоминанием о небольшой заметке, которая стоит у истоков моей,

продолжающейся до сего дня, привязанности к книжнической проблематике. Я имею в виду небольшую заметку «Драгоценные автографы», появившуюся в «Воронежском университете» 2 апреля 1957 года. Эту дату я считаю колыбельной в своей биографии: библиофильство и библиофиловедение – святые для меня понятия.

«Драгоценные автографы» по прошествии некоторого времени превратятся в одну из главок моей «Власти книги» (Воронеж, 1966): она будет именоваться «Тайничок старого профессора». Очерк войдёт в состав последующих переизданий сборника. «Старым профессором» был преподававший на историческом отделении нашего факультета Илья Николаевич Бороздин. На его долю в советскую пору выпало немало тяжёлых испытаний. Тем не менее ему удалось сберечь свою библиотеку – ей равной ни по количеству томов, ни, главное, по качественному составу в Воронеже тогда не было. В своё время Илья Николаевич, питомец дореволюционного Московского университета, состоял на службе в различных музейных и научных учреждениях древней столицы, общался с широким кругом представителей учёной среды и писательской братии. В бороздинском собрании я впервые увидел экземпляры с дарственными надписями видных персон. Пленили меня прежде всего писательские автографы: тут были имена, которые постоянно звучали в лекциях по курсу русской литературы Серебряного века: А. Белый, А. Блок, К. Бальмонт, В. Брюсов, М. Волошин, С. Есенин и другие. Встреча с этими раритетами не могла не укрепить в душе библиофильский пыл. Теперь в моей книжной коллекции находится множество редких отечественных изданий, украшенных авторскими инскриптами. Но тогдашнее знакомство с бороздинской библиотекой стало для меня знаковым событием...

Теперь, пожалуй, необходимо поговорить о тех университетских литературных дарованиях, которые своим присутствием украшали нашу размеренную студенческую жизнь. Ясно, что более всего «гениев» было на истфилфаке. Следом шёл, как ни странно, геологический факультет, хотя, если вдуматься, сей факт вполне закономерен: выпускников ждали малоисследованные территории Севера, Сибири и Дальнего Востока. Студенты-геологи ходили в моё время в форменных тужурках с золочёными вензелями: филологини смотрели на них округлившимися глазами. Словом, настоящий геолог не мог не быть поэтом.

Владимир Порядин был, разумеется, лидером общеуниверситетского литературного объединения

и зачинщиком соответствующих мероприятий. Его имя гремело в студенческих аудиториях, послушать его декламацию собственных стихов приходили восторженные девицы со стороны. В дальнейшем, вовсе не отрекаясь от своей романтической профессии (инженерия в геолого-съёмочных экспедициях), Володя окончил московский Литературный институт, издал несколько стихотворных сборников и снискал в Сибири славу незаурядного лирика... Порядинский ровесник и тёзка Владимир Чесноков тоже отдал Сибири и даже публиковался в журнале «Байкал», потом трудился на родном факультете. Чесноков был неизменным участником первых университетских Дней поэзии. Энтузиаст товарищеских застолий, он не избежал пристрастия к чарочке, что, как известно, отнюдь не всегда способствует порывам вдохновения... Валерий Мартынов отличался оглушительным голосом, и у слушателей закладывало в ушах, когда он со сцены читал свои стихи. А ещё он был заядлым книжником. Мы позднее близко сошлись с ним на этой почве: Валера был готов на любые энергетические (отчасти и финансовые) траты, лишь бы добыть желаемое издание...

У студента-историка Беляева (он учился двумя курсами старше) было неблагозвучное для тогдашней эпохи имя – Адольф. Все звали его просто Адиком. Он был нашей большой надеждой. Стихи ещё совсем молодого человека помещались на страницах местных газет, и даже солидный альманах «Литературный Воронеж» не отказывал ему в чести там опубликоваться. Особенно удачно выходили у Адика исторические баллады. К несчастью, он рано распрощался с этим грешным миром, явно не исчерпав своего творческого потенциала.

Вообще судьбы многих сочинителей из числа старшекурсников как-то не задались. Ранний взлёт, оказывается, вовсе не гарантирует дальнейшей удачной карьеры. К примеру, тогда же (1954–1956 гг.) и в том же альманахе печатались произведения студентки-филологини Ирины Озеровой. Ей прочили блестящее будущее. С четвёртого курса она отправилась покорять Москву, окончила Литературный институт. Потом как-то незаметно исчезла из поля зрения своих поклонников... Ещё одной нашей звёздочкой была Люда Горбачёва. Её стихотворение «Мост», тиснутое в «Литературном Воронеже», на все лады расхваливал А. М. Абрамов, предрекая поэтессе славное будущее. Увы, увы... Всех здорово потрепала жизнь.

Станислав Никулин, сам филфаковский выпускник, подготовил антологию «поэзии ВГУ» (2008), не позабыв включить туда даже юного Андрея Платонова. В двухтомнике представлено около 130 персон – от Анатолия Абрамова до Ивана Щёлокова! У многих авторов издано по несколько книг. Конечно, по большому счёту ни один из представленных в антологии сочинителей не пропахал на словесной ниве своей глубокой борозды (из моих земляков-современников милостью Божией отмечены разве что Анатолий Жигулин и Алексей Прасолов, но оба они были внеуниверситетскими людьми). Тем не менее рождение стихов – это всегда высокая страсть, и ею нужно переболеть любому, кто способен рифмовать строчки.

На филологическом отделении истфилфака постоянно возникали проекты, связанные с необходимостью выхода на поверхность вулканической энергии творчества. В мою пору такой «выброс» случился на курсе двумя годами младше нашего. Там группа энтузиастов решила – без какого-либо дозволения со стороны наставников – выпускать рукописный журнал (1957). Факультетская администрация встретила инициативу в штыки. Совершенно невинный по содержанию «Открытый взгляд» был воспринят взрослыми дядями и тётями чуть ли не как покушение на ленинский принцип партийности в искусстве. Одного из верховодов, Марка Бента, изгнали из университета (впоследствии он станет профессором-германистом и будет работать в Челябинском университете). Ещё раньше исключили Владимира Смольянова: он был главным редактором крамольного студенческого журнала. Под горячую руку попал и бесшабашный Вадим Куропаткин. Уцелел только их однокурсник Альберт Иванов, который жительствоует теперь в Москве и является любимым писателем для многих детей и их родителей.

P.S. В 1958 году завершилась студенческая весна моей жизни. Пётр Григорьевич Богатырёв вручил диплом, и все мои однокурсники разъехались кто куда. Я отправился, как уже было сказано, в подворонезжский Землянск, в редакцию районной газеты. Нам предстояло становиться взрослыми людьми.

(Окончание следует)